

СТАТЬИ

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИЯХ ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТОВ

Член-корр. АН СССР Д. С. ЛИХАЧЕВ

В номере 6 «Исторического архива» за 1956 г. опубликована статья «О приемах научной реконструкции исторических источников X—XVII вв.». Статья принадлежит А. А. Зимину, имеющему большой и плодотворный опыт изучения и издания текстов документов, актовых и повествовательных, и поэтому заслуживает самого серьезного внимания, так как только опыт большой собственной работы дает право на теоретические обобщения в области текстологии. Тем не менее, мне хотелось бы защитить и развить те мои положения, с которыми А. А. Зимин спорит в своей статье. При этом, если статья А. А. Зимина написана как бы под лозунгом «против недооценки реконструкции текста», то я свою статью хотел бы посвятить теме: «в защиту документа в вопросе о реконструкции текста».

Вопрос о реконструкции древних текстов чрезвычайно важен. Но рассмотрение этого вопроса можно производить только с учетом опыта всей науки, как нашей, так и зарубежной. В этом отношении поучительна судьба текстологической школы К. Лахмана, влияние которой было чрезвычайно сильно повсюду (в том числе и в России) в XIX в. Задача реконструкции авторского текста была основной задачей филологической критики и публикаций этой школы. Поиски авторских чтений в рукописях приобретали у К. Лахмана и его последователей порой характер мании и наводнили филологические и исторические работы различного рода реконструкциями, к которым мы сейчас можем относиться только с улыбкой, несмотря на то, что выполнялись они на основе строго методических приемов, продуманных и однообразных.

Школа К. Лахмана в целом потерпела полное крушение, однако отдельные ее методические приемы издания реконструированных текстов продолжают сохраняться в практической работе текстологов. Поэтому одна из задач науки — четко определить точки соприкосновения и зоны расхождения с различными текстологическими школами прошлого и, прежде всего, со школой К. Лахмана. Изучение истории текстологии позволило бы быстрее преодолеть некоторые упрощенные и предвзятые представления о жизни текста памятников¹ и принесло бы существенную помощь в развитии текстологической теории.

Издания реконструкций классических и средневековых памятников К. Лахмана и его учеников давно признаны «длинным рядом фальсификаций».

¹ О наличии этих упрощенных и устарелых убеждений в современной западной текстологии говорит в своей книге А. Д а и н («Les manuscrits», P., 1949, стр. 155 и сл.). Впрочем, следует отметить, что некоторые из положений самого Дена представляются нам упрощенными, отнюдь не оправдывающимися на древнерусском материале.

Изучение истории текстологии поучительно и еще в одном, частном отношении: оно ясно показывает недолговечность всех изданий реконструкций и долговечность всех изданий документов, по преимуществу дипломатического типа. Разве не подтачивает время даже такие великолепные реконструкции, как реконструкции А. А. Шахматова, тогда как изданные им реальные летописные тексты стоят незыблемо и будут служить еще много десятилетий.

Необходимость резко различать издание реальных текстов от изданий реконструкций все решительнее осознается сейчас и в наиболее значительных работах западно-европейских ученых по текстологии¹.

А. А. Зимин утверждает, что «нельзя проводить столь резкую грань между реконструкциями и „критическим“ изданием» текста (стр. 134), как это делаю я, что «элементы реконструкции имеются во всяком издании памятника, сохранившегося не в подлиннике, а в позднейшем списке» (стр. 133) и что «одной из особых форм, передачи текста (разрядка моя.— Д. Л.) является научная реконструкция источника, не сохранившегося в подлиннике или сохранившегося в дефектном виде» (там же).

Между критическим изданием текста и его реконструкцией есть принципиальное и очень резкое различие. Реконструкция может быть только реконструкцией памятника или вида памятника, не дошедшего до нас. Реконструируется несохранившийся авторский текст, несохранившийся архетип наличных списков или только архетип какой-то части этих списков (редакции, вида, извода и т. д.). Поэтому-то и нельзя говорить, что реконструкция — это одна из форм передачи текста. В критическом же издании предлагается реально дошедший текст. В этом тексте могут быть отдельные исправления, но их отнюдь нельзя отождествлять с реконструкцией, ибо сама реконструкция — ни в коем случае не есть простое исправление текста.

В критическом издании мы исправляем описки, часто не зная, кому они принадлежат: может быть, что ошибки последнего переписчика, может быть — его предшественников, может быть, составителя одной из редакций памятника, а может быть, и самого автора. Эти исправления вносятся даже в реально дошедший до нас авторский текст, не говоря уже о тексте архетипа редакции, вида, группы списков. Следовательно, мы не можем говорить, что в критическом издании реконструируется какой-то определенный вид памятника. По существу текст остается текстом списка, но только удобочитаемым, удобопонимаемым и удобоцитируемым. Перед реконструкцией же стоят совсем иные цели. Реконструктор не «исправляет» текст (исходный для реконструкции текст может быть вполне исправным или неисправным — это неважно), а на основании точного изучения истории сохранившихся текстов стремится восстановить состав памятника какого-то определенного этапа его истории, восстановить его текст по содержанию, его языковые формы и т. д.

Реконструктору приходится делать не отдельные, разрозненные исправления (так поступали только в первой половине XIX в. и ранее), а целостное восстановление, сплошь и рядом заменяя по различным соображениям понятный и ясный текст более сложным, менее доступным, внося изменения в конструкцию памятника, в его состав, содержание, идейную сторону, изменяя иногда языковые формы и т. д. Реконструируя памятник, приходится большей частью не «снимать» напластования, «наслоения» и исправлять описки, а восстанавливать древний текст какого-то одного и притом вполне определенного этапа в жизни памятника.

Неправильно думать, что памятник претерпевает в различных списках и редакциях только «искажения», приобретает описки, «напластования» и «наслоения», т. е. живет якобы только путем механических изменений, которые могут быть механи-

¹ Критику теории К. Лакмана см. в первой главе книги G. Pasquali «Storia della tradizione e critica del testo. 2-da edizione, con nuova prefazione e aggiunta di tre appendici». Firenze, 1952, XXIV + 525 p.

чески же удалены при помощи легкой хирургической операции. В основном, в своих наиболее глубоких изменениях, дающих новые этапы в жизни памятника, текст развивается в результате органических, целостных изменений, изменений взаимосвязанных, совершающихся путем замен, изменений, перестановок, сокращений, дополнений, сознательно вносимых в него его переписчиками и редакторами. Описки, ошибки, конечно, в изобилии вносятся в памятник, но роль их в появлении новых этапов в жизни памятника не так велика, как роль тех изменений, которые вносятся в памятник под влиянием новых идейных и стилистических требований, органически изменяющих состав памятника и его текст. Только сознательные изменения приводят к образованию новых редакций; механические же изменения этих новых редакций составить не могут.

Реконструкция ставит перед собой задачей восстановление всей идейной и стилистической сути определенного этапа в жизни памятника¹. Критическое же издание исправляет только механические изменения, проникшие в текст на всех этапах его жизни. Критическое издание реально дошедшего до нас текста ни в коем случае не вносит в него идейных и стилистических изменений. Между тем, мы видели, что определенные этапы в жизни памятника (его редакции) определяются именно идейными и стилистическими изменениями, а отнюдь не механическими искажениями и напластованиями. Отсюда ясно, что удаление механических изменений, которое допускается в критическом издании памятника, по самому существу своему не способно восстановить, реконструировать какую-либо из предшествующих редакций памятника, крупных этапов в истории его текста. Удаляя механические изменения в тексте памятника, мы можем восстановить авторский текст или текст какой-либо редакции только в том случае, если издаваемый в критическом издании текст уже по существу представляет собой именно этот авторский текст или именно этот текст редакции, но только искаженный механическими изменениями. Называть такое очищение текста от ошибок реконструкцией ни в коем случае нельзя, так как, по существу, этим способом ничего не реконструируется, не вносятся никаких изменений в самую «конструкцию» текста — в его идейную и стилистическую суть.

Вместе с тем, если в разночтениях критического издания можно оговорить все изменения основного текста и характер исправлений механически измененного текста может быть ясен читателю без особых пояснений, то пояснить «исправления» сознательных изменений текста в обычных разночтениях, помещенных внизу страницы, нельзя, да и называть их «исправлениями» также невозможно. Реконструкции текста должно предноситься особое исследование, в котором и должны оправдываться все переделки реально дошедших текстов, легших в основу реконструкции.

Может возникнуть вопрос: не приближают ли отдельные исправления, которые допускаются в критическом издании, текст к первоначальному и не являются ли они, следовательно, «элементами реконструкции текста?». Несомненно, что исправления в подавляющем большинстве случаев восстанавливают старые чтения, но это восстановление отнюдь не является задачей исправлений критического издания. Исправления вносятся не для того, чтобы реконструировать какой-то определенный пройденный этап истории текста; для реконструкции текста отнюдь нельзя ограничиваться разрозненными исправлениями непонятных, явно ошибочных мест. Поэтому я продолжаю оставаться при убеждении, что задачи критического издания текста и задачи реконструкции ни в коем случае нельзя смешивать, хотя соблазн такого рода смешения постоянно возникает перед публикатором. Чтобы умерить этот соблазн, необходимо точно разграничить допустимые и недопустимые ис-

¹ К вопросу о том, почему реконструкция должна восстанавливать какой-то определенный этап в истории текста памятника, а не быть реконструкцией «вообще», без определенных задач, реконструкцией, лишь «приближающей» реально дошедший текст к авторскому, мы вернемся в дальнейшем.

правления. Исходя из опыта лучших наших публикаторов, нужно считать, что в критическом издании допустимы исправления только таких мест, которые явно не дают осмысленного чтения (разумеется, с соответствующими оговорками в примечаниях). Замены же осмысленных чтений «лучшими», как бы соблазнительны они ни были, не допустимы.

Реконструктор должен восстанавливать и язык памятника, а это самое опасное в его работе. Одна из самых слабых сторон реконструкции «Повести временных лет» А. А. Шахматовым — это ее «гипотетический», искусственный древнерусский язык. Эта реконструкция неприемлема для нас прежде всего с точки зрения ее языка. А. А. Шахматов затратил очень много усилий на то, чтобы восстановить язык «Повести», но восстановил его, само собой разумеется, согласно тем представлениям, которые он сам имел о литературном языке начала XII в. Не следует забывать, что проблема языка стоит почти во всех случаях реконструкций, если эти реконструкции претендуют на некоторую законченность¹.

Реконструкции только условно могут быть включаемы в классификации публикаций текстов. Они имеют очень большое значение в научной интерпретации источников. Но реконструкции всегда связаны с тем или иным исследователем, их создавшим. Они конкретизируют его положения, наглядно подтверждают его выводы, иллюстрируют их, дают возможность будущим исследователям удобно сослаться на выводы своего предшественника. Документ же должен существовать независимо от того, кто его опубликовал. Реконструкции «приходят и уходят», двигая вперед изучение документа, но сам документ остается неизблемым.

Итак, из всего сказанного ясно принципиальное и резкое различие между изменениями, вносимыми в текст списков при реконструкции, и изменениями, вносимыми в текст списков в критическом издании.

Текст критического издания памятника — это реальность. Текст реконструкции, как бы она тщательно ни была выполнена и какую бы уверенность в своей правильности она не внушала ее составителю, — всегда гипотеза, точность которой может быть доказана только одним путем: находкой нового подлинного списка с этим самым реконструированным текстом. Но в этом, последнем случае необходимость реконструкции исчезает, и она должна быть заменена изданием найденного списка.

Ш. В. Ланглау пишет: «Ученые, предающиеся со страстью занятиям гадательной критикой, рискуют, в пылу увлечения, заподозрить подлинные тексты и предлагать для искаженных мест смелые гипотезы. Они сами это знают (разрядка моя.— Д. Л.), а потому считают для себя законом ясно разделять в своих изданиях тексты сохранившихся рукописей от текстов, установленных ими самими»².

В своей статье А. А. Зимин перечисляет различные «действительно научные» реконструкции русских памятников XI—XVII вв. Приводимых А. А. Зиминим примеров на самом деле более чем достаточно, чтобы опровергнуть его собственную точку зрения. Примеры, которые А. А. Зимин приводит, ясно показывают, что сами авторы реконструкций делали определенное и притом резкое различие между реконструкциями и изданиями подлинных текстов. Иными словами, они «сами знали» (выражение Ш. В. Ланглау), что тексты сохранившихся рукописей следует отделять от текстов, ими установленных. В качестве первого примера реконструкций А. А. Зимин приводит реконструкции А. А. Шахматова «Повести временных лет» и предшествующих ей сводов. Несомненно, что эти реконструкции заслуживают самого серьезного внимания как итог его исследования древнейшего русского летописания, но вот, что писал А. А. Шахматов в рецензии на книгу М. Д. Приселкова «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси» (СПб., 1913) по поводу попытки последнего использовать его реконструкции в качестве исторического источника:

¹ О необходимости в реконструкциях восстанавливать язык памятника будет еще сказано ниже.

² Ш. В. Ланглау и Ш. Сеньобос. Введение в изучение истории. СПб., 1899, стр. 63.

«Автор (т. е. М. Д. Приселков. — *Д. Л.*) должен был бы стать в теснейшую и непосредственную связь с основным для него источником — русской летописью, между тем он поставил между этим источником и собою мое исследование о древнейших русских летописных сводах. М. Д. Приселков идет при этом настолько далеко, что редко ссылается на Лаврентьевский или Ипатьевский списки, излагая события X и XI вв.; летописные тексты приводятся им по моему предположительному (разрядка моя. — *Д. Л.*) чтению»¹.

Подробно анализирует А. А. Зимин реконструкцию Пространной редакции «Русской правды», предложенную М. Н. Тихомировым в «Исследовании о Русской Правде» (М.—Л., 1941, стр. 233—254), но характерно, что М. Н. Тихомиров, хотя и поместил свою реконструкцию в это исследование, но в отдельном издании текста «Русской Правды»² дает не эту реконструкцию, а точный текст Троицкого списка. Больше того, свою реконструкцию М. Н. Тихомиров называет только «опытом восстановления». Следовательно, и М. Н. Тихомиров решительно отделяет издание реконструкции от издания документа.

Еще более ясна недопустимость смешения задач реконструкции первоначального текста с задачами издания подлинного текста на приводимом А. А. Зиминим примере реконструкции текста «Задонщины», выполненном В. П. Адриановой-Перетц, которая свою реконструкцию издала отдельно от подлинных текстов «Задонщины». В томе V «Трудов Отдела древнерусской литературы» ею издана «Задонщина» по всем спискам. И именно эту свою публикацию Адрианова-Перетц называет «текстом» (см. подзаголовок публикации)³. В томе же VI «Трудов Отдела древнерусской литературы» ею отдельно издана реконструкция «Задонщины», и эту свою реконструкцию В. П. Адрианова-Перетц именуется только «опытом» (см. подзаголовок ее исследования)⁴. Ясно, что и В. П. Адрианова-Перетц резко отделяет задачи издания подлинного текста от издания реконструкции. Задачи реконструкции текста архетипов с задачами издания подлинных текстов соединял в своих публикациях «Повести о Савве Грудцыне и «Повести о Петре и Февронии»⁵ М. О. Скрипиля. В этом отношении А. А. Зимин имел, действительно, в лице М. О. Скрипиля своего единомышленника. Однако удивительно, что именно с ним по вопросу о правильности издания им текста «Повести о Петре и Февронии» больше всего спорит сам А. А. Зимин: «Однако серьезной ошибкой (разрядка моя. — *Д. Л.*) издателя (М. О. Скрипиля. — *Д. Л.*), — пишет А. А. Зимин, — является то, что он искусственно оторвал предисловие и заключение («Похвалу») от основного текста „Повести“⁶, поместив их петитом в конце издания» (стр. 140). Следовательно, в данном примере перед нами обратный случай: издатель реконструкции считает ее подлинным текстом, а А. А. Зимин отказывается признать ее таковым, несмотря на то, что сам же (и вполне правильно) утверждает, что издание М. О. Скрипиля «осуществлено после глубокого предварительного изучения литературной истории и текстологии памятника» (стр. 140). Таким образом, этим примером А. А. Зимин только подтверждает

¹ «Новый исторический журнал», 1914, № 4, стр. 45.

² М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды. Изд. МГУ, М., 1953, стр. 87—112.

³ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. Текст и примечания. Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР, т. V, М.—Л., 1947, стр. 194—224.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина (опыт реконструкции авторского текста). Там же, т. VI, 1948, стр. 201—255.

⁵ М. О. Скрипиля. Повесть о Савве Грудцыне. Там же, т. V, М.—Л., 1947, стр. 225—308; Повесть о Петре и Февронии. Там же, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 215—256.

⁶ Мне кажется, что в данном случае А. А. Зимин не учел всей вескости соображений М. О. Скрипиля, отделившего предисловие и «Похвалу» от основного текста.

шаткость всякого рода реконструкций и недопустимость смешивать их задачи с задачами критического издания текста.

Самым «разительным», в смысле опровержения собственных взглядов А. А. Зимина, является, пожалуй, приводимый им пример попыток реконструировать текст «Слова о полку Игореве», принадлежащих М. В. Щелкиной, Л. А. Дмитриеву и мне. Что, собственно, нами «реконструируется» — авторский текст, протограф, архетип? Нет, нами в известной мере «реконструируется» всего лишь тот *нереконструированный* текст, который первые издатели имели перед собой, но из-за своих неправильных представлений о необходимости «активного отношения» к тексту не решились издать абсолютно точно, дипломатически, без всяких упрощений и восстановлений. Однако и эту «реконструкцию» *нереконструированного* текста составители никогда, конечно, не решатся выдать за документ и смешивать с текстами первого издания и Екатерининской копии.

В самом деле, на примере первого издания «Слова о полку Игореве» совершенно ясно видно, какой огромный вред для русской культуры принесло неправильное отношение его первых издателей к передаче текста подлинника. Пропагандируемое сейчас некоторыми исследователями «активное отношение к тексту источников» в известной мере было присуще и первым издателям «Слова». Они упростили орфографию подлинника, отменили часть букв, бывших, несомненно, в тексте (юсы, некоторые лигатуры), по-своему разделили текст на слова и т. д., и тем нанесли непоправимый ущерб изучению «Слова». К счастью, первые издатели «Слова» допускали только облегчение текста и некоторые его прояснения и не слишком увлекались реконструкциями, сохранив часть «темных мест» в памятнике без особых попыток их осмысления, иначе исследователи «Слова» были бы в еще более затруднительном положении, а скептики получили бы новые «подкрепления» своему скептицизму.

Иногда, впрочем, задачи издателя подлинного текста и издания реконструкции возможно соединять. Я имею в виду те случаи, когда подлинный текст и реконструкция действительно могут совмещаться, а не вытеснять друг друга: в реконструкциях утраченных мест документов (берестяных грамот, актов, известных только в одном списке, и т. п.). Здесь совмещение — чисто механическое, издательское.

Реконструированный текст, поскольку это позволяют утраченные части подлинника, можно печатать и вместе с последним («впритык»), набирая их различными шрифтами, и отдельно: по существу в реконструкции и в подлиннике от этого ничего не меняется и между собой они не смешиваются. Поэтому приводимые А. А. Зиминим примеры реконструкций отдельных утраченных мест грамот в настоящей статье не рассматриваются.

Допустимы также такие совмещения, при которых утраченная часть списка с соответствующей оговоркой восполняется по другому списку¹. Такого рода механическое восполнение текста не является по существу его реконструкцией.

Что же касается до издания сочинений И. Пересветова, выполненного А. А. Зиминим и приводимого им в качестве примера реконструкции, то в основном это издание критическое, а не издание реконструкций. Жаль только, что А. А. Зимин не всегда ограничивался в нем исправлением явных ошибок.

Чтобы спор был плодотворным, необходимо условиться о терминологии. Установление единства в терминологии поможет найти «общий язык» и до известной степени прояснит наши представления о существе дела.

Прежде всего необходимо установить различие в понятиях «авторский текст», «архетип» и «протограф». Авторский текст и архетип — вовсе не одно и то же. Существующие редакции памятника или тексты его списков могут восходить к общему архетипу, но этот архетип вовсе не во всех случаях обязательно должен быть авторским текстом. Так, например, все существующие тексты памятника могут восходить к тексту, уже изменившему текст автора. Как отмечает Д. Паскуали, авторского

¹ См. издание Я. С. Лурье текста Первого послания Грозного Курбскому в книге «Послания Ивана Грозного», под редакцией В. П. Адриановой-Перетц (М.-Л., 1951).

текста памятника вообще могло не существовать или этих авторских текстов могло быть несколько. Я. С. Лурье установил, например, что «Просветитель» Иосифа Волоцкого дошел до нас в двух различных авторских редакциях¹. Следовательно, здесь два авторских текста. С другой стороны, нельзя говорить об авторском тексте памятников, создававшихся постепенно и коллективно.

Летописи и хронографы могли составляться одновременно несколькими «авторами» и при этом на основе ранее существовавших текстов. Говорить в этих случаях об «авторском тексте» летописи, как и об авторском тексте «Русской правды» или, в отдельных случаях, об «авторском тексте» житий, петериков, сводов повествовательного материала и т. д. — просто невозможно. В Древней Руси очень часто создавались компиляции, «своды», новые произведения возникали в результате пополнения или продолжения текста уже существовавших памятников и т. д. В древнерусской литературе коллективное начало в создании отдельных литературных произведений было чрезвычайно сильно. Последующие переделыватели и переписчики выступали часто как соавторы, и с этим, прежде всего, должен считаться исследователь текста. Говорить об авторском тексте этих коллективно создававшихся памятников так же нельзя, как и об авторском тексте большинства фольклорных произведений — былин, сказок, исторических песен и т. д.

Так же различаются между собой термины «архетип» и «протограф»². Правда, в некоторых работах последнего времени их иногда смешивают, но каких-либо закономерных различий в их употреблении между историками и литературоведами, как об этом пишет А. А. Зимин (стр. 133), думается, установить нельзя. В определении этих терминов следует считаться с теми исконными значениями, которые в той или иной мере интернациональны и отражены в текстологических работах всего мира. «Архетип» — это текст, к которому генетически восходят наличные тексты группы списков или редакции, виды и т. д. «Протограф» — это список или текст списка, с которого непосредственно сделан тот список, который изучает исследователь, это оригинал копии или оригинал переделки.

Терминологическое различие это очень важно, ибо можно спорить, существовали вообще архетип тех или иных сохранившихся списков, но не их протограф или протографы, если только перед нами не текст самого автора. Происхождение тех или иных дошедших до нас текстов может быть множественным. Текст может представлять собой компиляцию двух или нескольких текстов редакций, испытать на себе воздействие других памятников и т. д.³, и тогда говорить об архетипе невозможно. Так, например, дело обстоит в летописании. Здесь редакции, виды, изводы летописей и тексты реально дошедших до нас летописей настолько перекрашиваются, что практически самое понятие архетипа в истории летописания почти не применимо. Существование же протографов во всех случаях не вызывает сомнений, так как даже в тех случаях, когда писец соединял одновременно текст двух или нескольких списков, все эти предшествующие списки-оригиналы должны быть названы протографами.

¹ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.-Л., 1955, стр. 438—461.

² А. А. Зимин употребляет все три термина альтернативно: «...восходить к авторскому тексту (протографу или, как говорят литературоведы, архетипу)» (стр. 133), «восстановить архетипы (протографы)» (стр. 140), «восстановление протографа (архетипа)» (стр. 143).

³ А. А. Шахматов писал по поводу работы С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище»: «в истории литературы переплетаются в самых разнообразных сочетаниях разные памятники, эволюционные цепи различных литературных произведений. Если следить только за одной из таких цепей, не принимая в расчет ни параллельных, ни перекрещивающих ее движений, то в результате могут получиться сплошные недоразумения вместо верного представления о действительных явлениях» (Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». Отчет о XII присуждении премий митр. Макария. СПб., 1910, стр. 84.

Архетип определяется на точке схождения рукописных традиций, генетически идущих от реально дошедших текстов. Если этой общей точки схождения нет, нет и архетипа. В той или иной мере самый факт существования в каждом отдельном случае архетипа — гипотеза. Текст дошедших до нас списков мог получиться не в результате расхождения единого первоначального текста, а в результате сведения воедино разных текстов. Это не учитывали те старые исследователи, которые исходили из предположения, что единственно ценный авторский текст произведения затем «портится», дробится на редакции, виды и группы и что подлинная задача публикатора — восстановление этого авторского текста. Вот почему необходимо самым серьезным образом прислушаться к той критике теории архетипов, которая раздается сейчас в западноевропейских работах по текстологии. Если гипотетические восстановления текстов сами основываются на гипотезе, что архетипы существовали во всех случаях, то это в значительной мере снижает их ценность, уверенность в их достоверности.

Вводить новые термины «полная реконструкция» (реконструкция авторского текста) и «первичная реконструкция» (реконструкция отдельных редакций «даже списков») ¹ и противопоставлять оба типа реконструкции друг другу представляется мне решительно нецелесообразным. Во-первых, реконструкция только одной редакции (даже поздней) может оказаться необходимее, чем реконструкция авторского текста (это зависит от истории памятника). Получится, что «первичная» реконструкция важнее, чем «полная»? Во-вторых, реконструкции отдельных списков не следует отделять от реконструкций редакций; ведь каждая реконструкция (будь это реконструкция текста редакции или авторского текста) есть реконструкция текста какой-то предполагаемой отдельной, конкретно существовавшей рукописи.

Следовательно, реконструкция текста редакции или авторского текста, или текста архетипа не имеют принципиальных отличий, по которым их нужно было бы различать и устанавливать для каждого вида особую терминологию, тем более, что слова «первичная» и «полная» могут только внести путаницу. «Полная» может быть противопоставлена «неполной», но не «первичной», «первичная» же — «вторичной» или «окончательной», но не «полной».

А. А. Зимин предполагает, очевидно, что реконструкции «авторского текста» должна предшествовать работа по реконструкции отдельных поздних его редакций. Судя по тому, как описывается им работа по устранению из текста реконструируемого памятника «индивидуальных» чтений списков, работа по реконструкции представляется А. А. Зимину в следующем виде: сперва путем устранения индивидуальных чтений, отдельных «искажений» и «напластований», восстанавливаются архетипы отдельных редакций (поэтому-то эти восстановления и названы А. А. Зиминим «первичными»), а затем от отдельных восстановлений архетипов редакций, путем таких же устранений индивидуальных чтений в архетипах редакций, искажений и напластований, издатель переходит к восстановлению авторского текста. Именно поэтому, говоря об издании М. О. Скрипилом архетипов первой и второй редакций «Повести о Савве Грудцыне», А. А. Зимин пишет: «Перед нами, следовательно, еще первичная реконструкция, когда издаются лишь материалы для составления полной реконструкции авторского текста» (стр. 140). Но реальная история текстов произведений сплошь и рядом опровергает попытки восстановить авторский текст путем такого рода ступенчатой системы реконструкции ². Реальная история

¹ Не сомневаюсь, что А. А. Зимин всюду говорит не о списке самом по себе, а о тексте списка. Задача составления как бы макета самого исчезнувшего списка — также может стоять перед исследователем (см., например, работу И. Д. Дмитриева-Кельда «О восстановлении списков „Слова о полку Игореве“». Ученые записки Орского гос. пед. ин-та, т. I, серия филологическая, вып. 1, Саранск, 1956).

² Напомню, что А. А. Шахматов начал с реконструкции древнейших сводов русского летописания (Начального и Новгородского свода 1050 г.), а потом уже перешел к реконструкции более позднего свода — Повести временных лет, и ее редакций.

текста бывает обычно гораздо сложнее, чем она представляется исследователю. Часть редакций, восстановление которых имеет очень большой самостоятельный интерес, может вовсе не понадобиться для восстановления авторского текста, другие же могут привлекаться в совершенно различной степени; текст отдельных списков может оказаться важнее для восстановления авторского текста, чем восстановленный архетип редакции¹; в более поздних редакциях воздействие авторского текста может оказаться более сильным, чем в более ранних, и т. д. Поэтому последовательность, которую предлагает А. А. Зимин, устанавливая свою терминологию «первичная реконструкция» и «полная реконструкция», во многих случаях может быть нарушена сложной жизнью текста, перекрещивающимися влияниями текста списков и редакций.

Насколько можно понять из статьи (соотносительно со сложностью затронутых в ней вопросов краткой и суммарной), А. А. Зимин недооценивает, как мне кажется, двух моментов: 1) возможности отражения в новейших редакциях древнейших этапов развития текста, минуя какие-то конкретные (иногда сохранившиеся) редакции текста, и 2) самостоятельной ценности, идейной целенаправленности, идейной и стилистической цельности отдельных этапов развития текста (текстов редакций и текстов списков). Именно поэтому, мне думается, А. А. Зимин считает возможным «предварительную» реконструкцию, постепенное восхождение, «приближение» к авторскому тексту путем «исправления» отдельных чтений, «элементы реконструкции» и т. д. Понятие текста, «приближенного» к авторскому путем отдельных исправлений, я считаю совершенно ложным для тех случаев, когда история памятника более или менее длительна.

С этой недооценкой двух изложенных выше моментов связан, как мне представляется, и тот вопрос, который А. А. Зимин задает в конце статьи: «Неясным остается вопрос, — пишет А. А. Зимин, — следует ли реконструировать чтения, содержащие филологические особенности (а не смысловые) памятника, и в какой мере можно вводить в реконструкцию гипотетические чтения, отсутствующие в позднейших списках памятника, и т. д.» (стр. 143). Сомнений для меня нет: реконструировать отдельные этапы в истории текста памятника заранее ограничивая себя только сохранившимися чтениями в реально дошедших до нас списках памятника, невозможно. Ведь это значило бы возрождать старую болезнь издания «сводных текстов». «Сводные тексты» (И. И. Срезневского, Н. С. Тихонравова и др.) именно и были теми «приближенными» реконструкциями «авторского» текста, а по существу произвольными компиляциями из различных чтений отдельных списков, — компиляциями, которые основываются на представлениях о том, что только «авторский текст» представляет ценность, а все последующие этапы этой ценности не имеют², так как памятник якобы претерпевает постепенную и механическую порчу отдельных чтений в руках его последующих переписчиков, в связи с чем является возможность удалить эту порчу путем выбора из разных чтений «лучших» и отсеивания индивидуальных особенностей списков. С точки зрения составителей «сводных» текстов отдельные этапы в истории текста памятника не дают ничего качественно нового, цельного и законченного, а потому можно текст позднейших списков «приблизить»

¹ Например, когда авторский текст, минуя архетип редакции, влияет непосредственно на один из списков этой редакции.

² Одна из важнейших заслуг А. А. Шахматова было в том, что он показал значение промежуточных этапов летописания как исторических источников. М. Д. Приселков показал значение как исторических источников последующего (не «авторского») текста ханских ярлыков, их собраний как полемического орудия против нестяжателей (М. Д. Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916). Л. В. Черепнин убедительно показал, что изучение всей судьбы документа в различных архивных собраниях вскрывает новую сторону документа как исторического источника (см. об этом в нашей рецензии на тт. I и II «Русских феодальных архивов» в «Известиях АН СССР. Серия истории и философии», 1952, т. IX, № 3, стр. 300—304).

к «авторскому тексту» путем отдельных выборок из других реально сохранившихся списков. В основе этих представлений лежало два убеждения: 1) текст архетипа весь целиком по частям может быть собран из отдельных списков и 2) подлинность получившегося в результате такого рода компиляции текста определяется подлинностью тех элементов, из которых она слагается. Оба убеждения, конечно, ложны, так как первое не учитывает возможности исчезнувших звеньев в истории текста, а второе опровергается тем обстоятельством, что как бы ни были близки между собою отдельные списки, они обычно все же разновременны, дают разные самостоятельные тексты, а отдельные их разночтения следует учитывать в их целом. Сумма подлинных частей еще не составляет подлинного целого. Поэтому всякого рода компиляции из подлинных элементов, внесение более ранних элементов в более поздние тексты, соединения различных чтений из различных списков, разрушение цельности текста путем частичных восстановлений и улучшений текста отнюдь не является реконструкцией. Издание реконструкции типа «сводных текстов» — текстов, представляющих собою выборку «древнейших» чтений из разных списков — давно пройденный этап в развитии русской науки.

Реконструкция должна быть реконструкцией, т. е. гипотетическим восстановлением строго определенных и конкретных этапов в развитии текста. При всей гипотетичности таких реконструкций они по крайней мере пытаются представить, если не реально дошедший до нас текст, то тот текст, который мог реально существовать. Если же пытаться создавать текст сводный — на основании различных чтений разновременных текстов и при этом лишь «приближающий»¹ нас к авторскому тексту в отдельных своих частях, а в других остающийся поздним, то это значит создавать компилятивный текст, который а priori никогда не существовал и не мог существовать, текст, смешивающий различные этапы в жизни памятника. Это значит, иными словами, придерживаться антиисторических принципов издания текста. Вот почему для меня не существует того приведенного выше вопроса, который стоит перед А. А. Зиминим.

Создание текстов «приближенных» к авторскому путем исправления отдельных чтений, невозможно не только потому, что реальное движение текста отнюдь не постепенно и равномерно, а совершается от редакции к редакции скачкообразно, причем на отдельных этапах развития текста отдельные чтения взаимосвязаны идейными и художественными (если они есть) задачами переделывателя, но и потому еще, что на поздних этапах развития текста, как уже было сказано выше, могли отразиться самые древние и даже авторские чтения. Переписчики не только имели перед глазами один-единственный протограф (оригинал), они очень часто «сводили» различные тексты (отсюда летописные своды), соединяли старые и новые редакции, проверяли новые тексты по старым (в древней Руси известны даже специальные поиски «добрых» и «полных» летописцев, особенно ценившихся²). Отсюда в отдельных чтениях (особенно «индивидуальных») новых текстов могли

¹ О реконструкции как о «приближении» к архетипу путем снятия отдельных напластований и искажений говорит А. А. Зимин и тогда, когда описывает свои работы по исправлению чтений Музейного списка сочинений И. Пересветова: «Так снимались те напластования и искажения, которые были внесены составителями Музейного извода, и читатель получил текст Полной редакции, по возможности приближенный (разрядка моя.— Д. Л.) к его архетипу» (стр. 141).

² См., например, в Новгородской второй летописи: «Новгородские летописи (так называемые Новгородская вторая и Новгородская третья летописи)». СПб., 1879, стр. VII. Правка переписчиком одного источника по другому отрицалась С. А. Бугославским. См его работу: «Повесть временных лет. (Списки, редакции, первопечатный текст)» в сб. «Старинная русская повесть» (М.-Л., 1941, стр. 12—13). Следы реальной сверки списка по списку другому см. в Архивном списке Псковской первой летописи («Псковские летописи», вып. 1. Подготовил к печати А. Насонов. М.-Л., 1941, стр. XXXVI).

отразиться чтения авторские, архетипные и т. д. Это обстоятельство постоянно учитывается, например, историками русского летописания. Оно хорошо известно западноевропейским филологам, работающим с текстами классических и средневековых памятников.

Для меня неясно, что такое «филологические» особенности памятника в их противопоставлении «смысловым». Мы уже приводили выше вопрос А. А. Зимина: «Следует ли реконструировать чтения, содержащие филологические особенности (а не смысловые) памятника?» (стр. 143). Если речь идет о том, можно ли реконструировать текст XIV в. или более раннего времени на основании списков XVI и XVII вв., не считаясь с теми изменениями, которые претерпел язык за истекшие века, то я по тем же причинам, о которых говорил и выше, ответил бы на этот вопрос с полной решительностью — нельзя. Реконструкция памятника XIV в. в формах языка XVI или XVII вв. — нелепость.

Реконструировать текст, не учитывая возможных его языковых особенностей, свойственных тому времени, к которому исследователь его относит, — значит искусственно создавать текст, который заведомо не мог существовать. Между тем, конечно, реконструкция языка памятника или необходимость учитывать его языковые изменения — самое трудное, что стоит перед каждым реконструктором.

Наконец, еще один термин нуждается в уточнении определения своего содержания — это термин «индивидуальные чтения» или «индивидуальные особенности» списка. Согласно А. А. Зимину, «индивидуальные особенности» — это все те особенности, которые присущи только данному списку и не встречаются в других. С этим определением можно было бы согласиться, если бы с понятием «индивидуальных особенностей» не соединялись и определенные представления об их происхождении как о чисто случайных, поздних и отсутствовавших в авторском тексте. Именно поэтому, очевидно, А. А. Зимин предлагает отбрасывать эти индивидуальные чтения¹. Между тем, сплошь и рядом бывает как раз так, что древнейшее чтение сохраняется в меньшинстве списков, или даже только в одном, а чтения более новые и, следовательно, отвечающие новым требованиям ч вкуса, распространяются в большинстве списков. Эти древнейшие и редкие чтения отнюдь нельзя отбрасывать только потому, что они зарегистрированы всего лишь в одном списке, а остальные чтения сохранять, так как они завоевали себе большинство.

В текстологической практике более трудному чтению (*lectio difficilior*) приходится обычно отдавать предпочтение, считая его более древним, так как естественнее допустить образование легкого чтения из трудного, чем трудного из легкого. А раз так, то где гарантия, что трудное чтение в подавляющем большинстве списков не уступит место легкому? Именно на этом и потерпела провал старая практика отбрасывания «индивидуальных чтений» в критических изданиях западноевропейских средневековых текстов.

С другой стороны, даже тогда, когда «индивидуальное чтение» является более новым, оно могло возникнуть на основе сличения рукописи с более старым списком и отразить, таким образом, древнее чтение. Текстологическое правило, применяемое

¹ А. А. Зимин пишет: «Замена чтения Троицкого списка другим производится в основном в двух случаях: во-первых, когда оно является индивидуальной особенностью этого списка т. е. если все другие списки данной ветви дают иное чтение (разрядка моя. — Д. Л.), к тому же совпадающее с чтением Пушкинско-археографической ветви...» (стр. 136); «индивидуальные варианты, а также явные опуски, как правило, при публикации не учитывались» (стр. 141); «прежде всего исправлялись все те чтения Музейного списка, которые являются индивидуальными особенностями его составителя и отсутствуют в других списках Музейного извода» (там же). С другой стороны, А. А. Зимин признает авторским текстом тот, который читается в большинстве списков: «Последние слова, — пишет А. А. Зимин, — принадлежали самому Пересветову (ибо они встречаются во всех текстах, за исключением Погодинских)» (там же).

к выбору основного списка «recentiores, non deteriores» (т. е. «более новый — не всегда более худший»), действительно и в отношении отдельных чтений.

Необходимо считаться и с тем, что «индивидуальные» чтения очень часто оказываются общими в результате открытия новых и новых списков¹. Следовательно, «индивидуальность» чтения может быть явлением вполне временным, зависящим только от того, какие списки произведения случайно сохранились или обнаружены исследователем.

Предпосылая своему обширному труду по текстологии «двенадцать заповедей» текстолога, Джорджио Паскуали² во многих из них предупреждает исследователей против увлечения количественными показателями, простыми и наиболее распространенными чтениями. В «заповеди» седьмой он говорит о «предрассудке», согласно которому «передача текстов происходит исключительно по „вертикали“ — от более старой рукописи (оригинала) путем переписки к более новой (копии). Он отмечает, что очень часто передача текста идет «поперек» или «горизонтально» — путем сверки ранее переписанного текста с каким-то другим, иногда более старым. Этим путем, как отмечает Д. Паскуали, «постоянно проникают в рукопись разночтения, будь они хорошие или плохие, а также и ошибки, которые нам казались бы очевидными»³. Д. Паскуали пишет («заповедь» 8), что «как в древности, так и в средние века, из текстов, которые много читались, образовывалась „вульгата“, которая, как это бывает с модой, продвигалась от центра к периферии, но не всегда до нее доходила»⁴. Поэтому в противовес «вульгате» именно редкие, «индивидуальные» чтения рукописей, распространенные чаще всего на периферии, больше всего могут иногда сохранять нам авторский текст. Двенадцатая «заповедь» Д. Паскуали гласит следующее: «Изучение свидетельств древности и немногих папирусных автографов, анализ исторических сочинений (или содержащих исторические данные), сохранившихся в разной форме в различных рукописях, сходство средневековых текстов, для которых мы имеем традицию, современную авторам, особенно текстов Петрарки и Боккаччио, оправдывают гипотезу, что разночтения даже самого особенного характера (очень интересную группу образуют разночтения в собственном смысле слова, действительного или фиктивного), даже в античных сочинениях могут быть возведены к самим авторам. Эта гипотеза во всех случаях может быть доказана неукоснительно»⁵.

Наблюдения Д. Паскуали, частично являющиеся общим достоянием западноевропейской текстологии, полностью оправдываются и на древнерусском материале. Каждый, занимающийся древнерусскими рукописями, знает, какое количество встречается списков с поправками, некоторые из которых могли быть сделаны в порядке сверки с другими рукописями, по большей части древнейшими, какое значение приобретали иногда индивидуальные чтения в деле восстановления архетипов; как сложно переплетаются тексты, переписка которых велась одновременно по нескольким рукописям, и какое значение имели исчезнувшие звенья в истории текста.

Для восстановления текста надо очень ясно представить себе авторов, редакторов, переписчиков, их мировоззрение, их психологию, создаваемую исторической действительностью. Необходимо учитывать требование «канцелярий», где эти тексты создавались или переделывались, требования заказчиков (когда они были), возможные противоречия между заказчиком и исполнителем, противоречия, создаваемые самим мировоззрением исполнителя, его политические идеи и бессознательные

¹ См. А. В. Михайлов. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе, ч. I, Паримийный текст. Варшава, 1912, стр. 304.

² Giorgio Pasquali. Storia della tradizione e critica del testo. 2-da edizione, con nuove prefazione e aggiunta di tra appendici. Firenze, 1952, XXIV+525 p. Цитирую в переводах, любезно сделанных для меня Е. И. Бобровой.

³ Там же, стр. XVII.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. XVIII.

устремления. Тот исследователь, который лучше других сумеет представить себе все это на основе всего имеющегося конкретного материала, тот и будет иметь наибольшие шансы к самому убедительному восстановлению текста. Отсюда видно, что в работе по восстановлению утраченных текстов искусство помогает науке. Этим и обуславливается отчасти то обстоятельство, что способов и видов реконструкций столько, сколько существует ученых, занимающихся ими. Это обстоятельство достаточно ясно, хотя бы из тех примеров реконструкций, которые приводятся А. А. Зиминим в его статье: среди них нет и двух схожих. Но разнообразие способов реконструкций зависит и от того, какими материалами обладает исследователь для своих реконструкций и какие конкретные задачи себе он ставит.

Наконец, не могу согласиться с еще одним положением А. А. Зимина, которое он, по-видимому, считает аксиомой и выдвигает как возражение против необходимости строго различать издание реконструкции от издания документа. А. А. Зимин пишет: «Ведь мы издаем не тот или иной список для характеристики редакций, а определенную редакцию памятника по списку» (стр. 134). В свете всего сказанного выше я решительно возражаю против такого определения задач издания документов. Мы должны издавать именно реальный текст реального списка и не для характеристики редакции, а ввиду ценности его текста самого по себе как исторического документа. Документ издается не для «характеристики» того, что в сущности является только выводом исследователя, а должен сам быть основой для выводов — историческим источником. Поэтому, хотя всякому изданию документа должно предшествовать его изучение, результаты этого исследования не могут навязываться читателю в виде реконструированных редакций и предполагаемых авторских текстов или сводных «приближенных реконструкций». Источник и в изданном виде должен оставаться источником, и свобода источниковедческой интерпретации (отнесения его к той или иной редакции, к тому или иному времени составления, автору и т. д.) должна быть в известной мере оставлена будущему исследователю. Издание должно давать возможность для более углубленной работы последующих исследователей. Издание текста не закрывает собой изучение памятника, а продуманно его открывает.

«Активное отношение» к источнику — это прежде всего критическое отношение к его содержанию, отсутствие «объективизма» в использовании его данных, деятельные и трудолюбивые поиски всех его списков, полное источниковедческое использование всех этапов истории его текстов, а не одного только «авторского», и т. д. Я за активность, которая деятельно интерпретирует документ с марксистской точки зрения, но сохраняет его незыблемым, строго и уважительно отделяет текст документа от его интерпретации. Исследователь не должен сам для себя создавать тексты документов. Иначе, где гарантия от предвзятости? Опасность реконструкций заключается в том, что вступив на этот путь мы не только не будем иметь изданий достоверных текстов, но и скольконибудь стабильных. Советская текстология в ее целом борется в настоящее время за объективность, устойчивость и стабильность достигаемых результатов. Это крайне важно. Вопросы текстологии не могут решаться одним способом в литературоведении и другим — в исторической науке.

В заключение своей статьи мне хочется сказать следующее: спор о реконструкциях, как и спор по любым вопросам текстологии, не может быть решен в одной или двух статьях. Он решится практикой издания документов, но, чтобы эта практика издания документов поднялась на более высокий уровень и способна была помочь в разрешении теоретических вопросов, исследования по текстологии должны непременно лежать в основе принципов изданий.

Если данная статья, не ставящая перед собой задачи разрешения всех сложнейших вопросов, связанных с проблемой реконструкции текстов, поможет все же в совокупности со статьей А. А. Зимина уточнению некоторых из них, поможет уточнить терминологию и напомним о том, что проблема реконструкции текстов имеет в мировой науке многовековую историю, опыт которой непременно должен учитываться во всей его полноте, то цель ее будет достигнута.